

Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka. 2013-2024

ISSN 1605--7880

URL - <http://izv-oifn.ru>

All right reserved

Issue 4 Volume 81. 2022

Buras, M. M. Linguists Who Came in from the Cold. Moscow, AST Publishing House: Editorial of Elena Shubina, 2022. 410 p., ill. (Series The Great Sixties) [in Russ.]

Ekaterina Rakhilina

*National Research University «Higher School of Economics»; Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences
Russian Federation, Moscow*

Abstract

Keywords list (en):

Date of publication: 28.09.2022

Citation link:

Rakhilina E. Buras, M. M. Linguists Who Came in from the Cold. Moscow, AST Publishing House: Editorial of Elena Shubina, 2022. 410 p., ill. (Series The Great Sixties) [in Russ.] // *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka.* – 2022. – V. 81. – Issue 4 С. 109-114 . URL: <https://izv-oifn.ru/s160578800021462-4-1/>. DOI: 10.31857/S160578800021462-4

¹ История науки XX века обычно обходит лингвистику – главное место в ней по праву занимают физики и биологи. Отдельного слова заслуживают технологии – кибернетика, превратившаяся сначала в информатику, а затем в computer science – в историческом плане о них пока сказано недостаточно, а современная лингвистика довольно близка к этой теме, потому что зарождалась на волне интереса к кибернетике и машинному переводу.

2 И вот только что появилась первая книжка об истории советской лингвистики второй половины XX века под интригующим названием “Лингвисты, пришедшие с холода”. Она охватывает краткий период меньше 20 лет, с середины 50-х до начала 70-х: от начала оттепели, к которой косвенно апеллирует название книги – и до ее конца, который знаменует период “подписанства”. К началу коротко отсылает первая глава под названием “Начало эпохи”, конец – в связи с событиями в лингвистической среде, которую он существенно затронул – довольно подробно описан в последней четвертой – “Конец эпохи”. Основная часть книги сосредоточена во второй и третьей главах: о значимых людях эпохи (“Герои”) и об институциях, которые были тогда созданы и на тот момент определяли развитие лингвистики (“Места их обитания”). Прежде чем перейти к этим главам, я скажу несколько слов о книге в целом и ее авторе.

3 Эту книгу можно назвать документальной в том смысле, что она основана на свидетельствах действующих лиц: живых интервью или опубликованных воспоминаниях уже ушедших. Такого рода свидетельства никогда не дают полной картины и, строго говоря, никогда не достоверны – это всегда бросается в глаза людям, так или иначе причастным к делу. Отдельные воспоминания (и в этом читатель не раз убедится) часто прямо противоречат друг другу. Но полная картина и абсолютная точность не только невозможны, но даже не нужны этой книге, потому что это совсем не исторический труд. Зато собранные вместе, такие свидетельства дают очень важное и нужное ощущение прикосновения к эпохе, особенно для тех, кто вне ее – и это та самая задача, которую решает автор.

4 Крайне важно, что и самому автору книги эта тема совсем не чужая. Мария Михайловна Бурас и причастна, и пристрастна, ведь она поступила на Отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ сразу после того, как закончилась та эпоха, о которой она пишет – и началась новая. Оппонентом на защите ее дипломной работы (позже опубликованной как [1]) о числовых показателях в русских распределительных конструкциях был Андрей Анатольевич Зализняк. (Он был хорошо знаком с этой темой, потому что незадолго до этого вышла их с Е.В. Падучевой статья, обратившая внимание на это явление [2]; [3].) Потом Мария Михайловна некоторое время работала во Всероссийском центре переводов (ВЦП), который отчасти наследовал Лаборатории машинного перевода в Ин’язе (об этой лаборатории есть большой раздел в четвертой главе), потому что именно там оказались почти все оставшиеся в СССР ее участники: и Юрий Мартемьянов, и Нина Леонтьева, и Иван Убин, и другие. Если бы обстоятельства ее жизни сложились чуть иначе, Мария Михайловна стала бы замечательным лингвистом, но она ушла в “Коммерсантъ” и стала замечательным журналистом, в частности, научным журналистом – а теперь и писателем.

5 Это вторая книга М. Бурас, первая – “Истина существует” – об Андрее Анатольевиче Зализняке (одном из героев и третьей главы) вышла в 2019 году [4]. В ней был найден ее собственный документальный стиль: только свидетельства участников событий, автор в тени, он не виден, хотя на самом деле именно он – главный и талантливый дирижер этого несмолкаемого хора. В тот раз общий хор надо было выстроить вокруг голоса главного солиста, опираясь на большое интервью, которое в свое время дал Владимиру Андреевичу Успенскому сам

Андрей Анатольевич Зализняк. В этой книге решена задача много более сложная: в ней нет главного солиста, отлично знающего свою партию (да еще и ведомого блестящим Успенским), нет и единой канвы в виде долгой, разнообразной и насыщенной жизни главного героя, которую в разные периоды одновременно наблюдают десятки других свидетелей. Поэтому по структуре новая книга ближе к очеркам – иной раз с повторяющимися участниками, но непрямо связанными друг с другом. Как если бы люди, собравшись за большим столом и не очень слыша друг друга, перебивая и подсказывая, с увлечением и удовольствием вспоминали давнее прошлое, свою молодость: друзей, учителей, работу, путешествия... Такой разговор обычно смолкает вдруг, на полуслове – и начинается другой, похожий. Мы можем не узнать ни подробностей чьей-то истории, ни ее развязки, сюжеты возникают спонтанно, даже не цепляясь друг за друга, не претендуя на полный охват событий, их временных или географических срезов. Но, как это всегда бывает, в них отчетливо слышен дух времени, и проступают его вдохновенные лица.

⁶ Вот, например, рассказ о Юрии Дерениковиче Апресяне в главе “Герои” – о судьбе его семьи и о нем самом. Рассказ доходит только до 1960 года, когда герой, уже выпускник и еще преподаватель Института иностранных языков, поступает в только что открывшуюся там Лабораторию машинного перевода. Его биография, рассказанная им в свое время для “Арзамаса” (именно к ней как к главному свидетельству отсылает книга) в этой части напоминает авантюрный роман – и тут он внезапно обрывается. Потому что дальнейшая жизнь Юрия Дерениковича в ту эпоху связана с Институтом русского языка, а о нем будет свой фрагмент в следующей главе (а потом еще в жизни Апресяна были Информэлектро, ИППИ РАН и снова Институт русского языка – но это уже другая эпоха, за рамкой этой книги). И только два голоса двух других героев звучат под конец этого очерка: страстный голос Игоря Мельчука, друга навек, и бесстрастный торжественный – В.А. Успенского.

⁷ Героями в книге выбраны действительно выдающиеся личности. Нельзя сказать, что их выбор случаен – это лидеры лидеров, но они представляют узкий (всего восемь человек!) и только московский круг связанных друг с другом людей, по большей части, хорошо знакомых автору. Между тем, в другой (а может быть, просто следующей) книге в числе Героев вполне мог бы оказаться, например, основатель Петербургской типологической школы А.А. Холодович, или выдающийся аспектолог Ю.С. Маслов, или знаменитый Ю.В. Кнорозов, или И.И. Ревзин и В.Н. Топоров, сыгравшие такую большую роль в организации сектора структурной типологии в Институте славяноведения, или А.Б. Долгопольский и все остальные участники созданного тогда ностратического семинара, или, например, Н.В. Охотина, создавшая практически на пустом месте сильнейший коллектив африканистов. А ведь были еще центры новой лингвистики в Новосибирске, Томске, Нижнем Новгороде, Киеве... Оттепель открыла шлюзы науке и творчеству. Очень важно, что вокруг великих были многие – им было на кого опереться и было из кого выбирать.

⁸ На самом деле не столь важно, что в этой книге всего этого нет: как мы уже говорили, она построена так, что отсутствие имен и событий не воспринимается как лакуны. Зато каждый из уже выбранных настолько значим для

общего сюжета, что заслужил бы отдельной книги, и каждый очерк – это всегда рассказ прежде всего о личности и каких-то ярких запоминающихся эпизодах, которые ее высвечивают. Вот история Успенского о разговоре с Колмогоровым в международном вагоне: “Я вас превосхожу, – говорит Колмогоров. – И совсем не в том, в чем вы думаете. Вы получаете удовольствие от езды в международном вагоне. Я тоже получаю удовольствие от езды в международном вагоне. Но я могу получить удовольствие и от езды на третьей полке – а вы не можете!” И лаконичный комментарий Успенского: “Он был прав”.

⁹ С некоторой долей условности героев можно было бы разделить на лингвистов, давно ставших классиками благодаря своим работам, и организаторов новой науки. А.А. Зализняк – классический кабинетный ученый, чуравшийся всех на свете постов и всех на свете чиновников, включая даже вахтеров МГУ, которые почему-то всегда задерживали его при входе, даже с членским билетом РАН. Его жена, выдающийся лингвист Елена Викторовна Падучева, не могла и не любила работать в команде, в соавторстве, организаторство как деятельность была ей совершенно чужда. А.К. Жолковский тоже никогда не занимал никаких постов.

¹⁰ Напротив, Вяч.Вс. Иванов, конечно, написал много книг, в том числе и очень масштабных в научном плане, но его главный интерес лежал как раз в области организаторства: собирать и вдохновлять людей для воплощения больших идей и проектов и создавать новые институции. История с его выступлением в защиту Пастернака, с которым он был хорошо знаком с детства (они были непосредственными соседями по даче в Переделкино) лишила его возможности преподавать – а он был талантливым учителем, и его первые ученики, из которых потом выросли Герои – Зализняк, Падучева, Мельчук – всегда отдавали ему должное. Но отлучение от университетской кафедры подстегнуло его деятельность, как теперь бы сказали, научного топ-менеджера: он всегда начальствовал сразу над несколькими отделами, проектами и учреждениями – и позднее даже стал народным депутатом СССР от Академии наук.

¹¹ В.А. Успенский вообще не лингвист, а математик – правда, математик высокого класса, которого возвысил великий А.Н. Колмогоров, возведя в свои ученики. Правда, помимо математических, у него есть несколько действительно замечательных лингвистических работ и целых пять томов “Трудов по нематематике”. Но главной своей заслугой (наряду с организацией докторской защиты А.А. Зализняка одновременно с его кандидатской) он с гордостью считал сугубо организационную, а именно создание модели нового лингвистического образования, по которой работает ОТиПЛ в МГУ и все подобные ему программы – а в 2010 году их в стране было уже 26!

¹² В.Ю. Розенцвейг – прежде всего организатор, основатель машинного перевода и руководитель знаменитой лаборатории в Ин’язе, а уж потом автор брошюры о языковых контактах и небольшой книжки о машинном переводе в соавторстве с И.И. Ревзиным. Успенский сравнивал его с Дягилевым: “Виктор Юльевич Розенцвейг сделал для российской лингвистики больше, чем многие лингвисты, хотя сам он и не был крупным лингвистом. Да его и не надо оценивать по этой шкале. С.П. Дягилев не был ни танцовщиком, ни хореографом, ни декоратором; однако его вклад в становление балета уникален”¹.

¹³ Но иногда границу между учеными и организаторами провести непросто. Игорь Мельчук – автор десятков, как теперь бы сказали, инновационных статей: о грамматических и словообразовательных значениях, супплетивизме, конверсивах, определении залога и мн. др., создатель цельной модели языка (известной как модель “Смысл Текст”), один из зачинателей машинного перевода, построенного с учетом семантики и опирающегося на принцип перифразирования. Он не был администратором – и в этом смысле он стоит в том же ряду, что Зализняк или Жолковский. Но он был лидером, и как никто умел объединять людей вокруг своих идей и своей модели, завораживая их своим энтузиазмом и конструктивной энергией. Люди стремились в его (хотя формально – Розенцвейга) лабораторию, просили принять их на работу, шли к нему в ученики. Он связывал лингвистов разных институций не только на научных семинарах, но и в незабываемых мельчуковских походах, эти походы тоже были своего рода рекламой модели “Смысл Текст” и стоящих за ней идей.

¹⁴ Заметим, что потенциал такого рода, может быть, позже, но обнаружился и во всех других Героях: чуть позже Ю.Д. Апресян уже руководил небольшой группой в Информэлектро, потом в ИППИ РАН и другой – в ИРЯ РАН. Он стал академиком в 1990-е и по праву – самым цитируемым лингвистом России. Но популярность его росла сама собой задолго до всех статусов и вопреки их отсутствию. Ему не только запретили работать в Академии наук, но запретили и преподавать – и это очень большая потеря: тогда он был замечательным лектором. Студенткой (кажется, в 1978 году) я ходила на его лекции в МГУ для повышения квалификации преподавателей русского языка – совершенно блестящие. Большая девятая аудитория была полностью заполнена. Ввиду их небывалой популярности, лекции были прерваны на середине и курс по распоряжению начальства закрыт.

¹⁵ Е.В. Падучева была известна в более узком сообществе – она почти не читала лекций, но только потому, что не любила педагогическую деятельность. Однако ее роль человека мира, с большим кругозором и лингвистической образованностью, которую она ценила в людях и тщательно поддерживала в себе, превратила ее в настоящего научного просветителя – для самого широкого круга читателей.

¹⁶ А.К. Жолковский стал читаемым писателем – а это в современной культуре и действительности почти невыполнимое дело. Сейчас кажется, что при иной жизни он мог бы возглавить отличный журнал или газету, или (моднее) – канал, словом, какой-нибудь “коллективный организатор”.

¹⁷ Общественный темперамент А.А. Зализняка открылся прежде всего в письменной и устной полемике с математиком А.Т. Фоменко, автором “Новой хронологии”, в самом конце 1990-х и начале 2000-х, в которой Зализняк показал себя выдающимся ритором. Но и в Солженицынской речи, и в поточных новгородских лекциях его азарт и страсть до сих пор завораживают сотни людей, как когда-то на лекциях по введению в лингвистику на маленьком Отделении структурной и прикладной лингвистики завораживали всего 20 студентов (которые, однако, такого Зализняка – трибуна и всенародного просветителя – и представить себе тогда не могли).

18 И все-таки из них из всех по масштабу значимости сделанного для организации науки В.А. Успенский стоит особняком. Отец его был драматургом, на драматурга стал учиться его внук – но он и сам был своего рода драматургом всей пьесы про совершенно новую лингвистику, и эта роль ему страшно нравилась. Успенский хотел создать факультет лингвистики в главном учебном центре страны – Московском государственном университете (а затем, возможно, других). Но для этого нужно было сначала организовать какое-то высокое распоряжение или постановление (им стало Постановление Президиума АН СССР от 6 мая 1960), собрать и увлечь будущих преподавателей и двигателей этой науки, а еще надо было создать им (и на будущее) рабочие места – и тоже в самых лучших научных центрах Академии наук. Он не только видел поле боя целиком, но и придумывал план наступления (организовывал объединяющие силы семинары, конференции, симпозиумы – и **традиционную** с самого первого раза лингвистическую олимпиаду), а также непосредственно участвовал в самой организации многих редутов (лабораторий, отделов и отделений). Конечно, он делал это не сам и не один: он находил соратников и союзников (или они его находили), но находил легко, и все, кто с ним делил этот труд, работали с удовольствием и с пониманием той цели, ради которой все делалось. Лингвистические задачи придумал Зализняк, идею лингвистической олимпиады придумал тогдашний студент ОСиПЛ (Отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ) Алик Журинский – но Журинский со своей идеей пришел именно к Успенскому, и из главы, которая целиком посвящена Московской лингвистической олимпиаде, мы понимаем, что этой олимпиады просто никогда бы не было, если бы не Успенский.

19 Он умел с неподдельным интересом разговаривать с совершенно разными людьми так, что они от этих разговоров тоже получали радость – от уборщицы в МГУ до всемогущего академика В.В. Виноградова (в то время директора академического Института русского языка, который теперь носит его имя), приглашавшего совсем молодого математика безо всяких регалий к себе в гости. Ректор И.Г. Петровский спрашивал у него, тогда 30-летнего, совета, как и директор ВИНТИ, тоже всемогущий, любые академики – А.Н. Несмеянов, А.А. Ляпунов, Р.В. Хохлов, Р.И. Аванесов, трехзвездный адмирал А.И. Берг (в прошлом заместитель министра обороны) – и так далее, и так далее готовы были с ним говорить. Успенский обладал ключом ко всем на свете людям, угадывал их, и они сами собой расставлялись как шахматные фигуры. С людьми ему было интересно: они его удивляли, каждый – по-своему, и он умел мгновенно поразить их воображение – заставить остановиться и если надо (а как часто для дела это было просто необходимо!), вникнуть в проблему. Любимой цитатой из любимых Стругацких – “никто никогда ничего не мог им доказать, только Странник мог” – он с восхищением описывал В.Ю. Розенцвейга, но и сам был таким, причем в превосходной степени.

20 О том, как это все разворачивалось, увлекательно рассказано во второй части книги, которая условно названа “Места их обитания”. Ее стоит прочесть не только тем, кто никогда не слышал о структурной лингвистике, но и тем, кто был и до сих пор остается с ней связан, например, закончил ОСиПЛ / ОТиПЛ: рассказы Марии Михайловны Бурас и ее собеседников помогают понимать человеческий,

исторический и научный контекст, в котором все тогда происходило – хотя бы в Москве.

²¹ Параллельно ОСиПЛУ (история и судьба которого подробно рассказаны в отдельном очерке), по стечению обстоятельств не ставшему факультетом и навсегда оставшемуся маленьким отделением на филфаке МГУ, существовало Отделение машинного перевода в 1-м МГПИЯ (Институте иностранных языков – теперь им. Мориса Тореза), инициированное В.Ю. Розенцвейгом и И.И. Ревзиным, где тоже учили новой лингвистике и преподавал И.А. Мельчук. Как университетский центр ОСиПЛ сразу и навсегда стал научным центром новой лингвистики. А в Ин’язе рядом с Отделением открылась знаменитая Лаборатория машинного перевода, которую мы уже упоминали и о которой в книге тоже есть подробнейший очерк. Одновременно в Москве были тогда же открыты еще четыре замечательных научных центра: Лаборатория электро моделирования (превратившаяся затем в Отдел семиотики) ВИНТИ, Сектор структурной типологии в Институте славяноведения АН СССР, Сектор структурной лингвистики в Институте русского языка АН СССР и Сектор структурной и прикладной лингвистики в Институте языкознания АН СССР. Все они стали главными московскими “местами обитания”. Их “население” перемешивалось и умножалось в походах, экспедициях, на научных семинарах и многочисленных капустниках, на больших тематических конференциях (по машинному переводу, семиотике, математическим методам и др.) – и об этих конгломерациях и миграциях тоже есть в книге.

²² Но откуда брались эти люди? – и почему они так быстро и с готовностью откликнулись на новые веяния? Ведь не Джоржтаунский же эксперимент по машинному переводу? Да и машинным переводом занимались единицы... Все это только своего рода триггеры и маскировка. Ответ на этот вопрос в том, что новая лингвистика позиционировала себя как негуманитарная наука – а значит, предлагалась ее деидеологизация: она приравниваясь по статусу к физике и математике, могла позволить себе не быть ни социалистической, ни капиталистической и не содержать вечных ритуальных ссылок на Маркса, Энгельса и Ленина (цитирование которых в гуманитарных науках было практически обязательным). От литературоведения, таким образом, лингвистика решительно отделялась. В переписке с Колмогоровым, отражавшей споры и мечты трех единомышленников (В.А. Успенского, Вяч.Вс. Иванова и М.К. Поливанова) предлагалось причислить литературоведение (как и искусствоведение) к искусству – «как специфичный “вторичный” жанр, жанр, отражающий в “образах” не самую натуру, а отображение ее в первичных жанрах» [5, с. 685]. Лингвистике же предлагалось родиться заново как науке, предназначенной открыть истину. А “игрушечные” лингвистические задачи заставляли верить, что это действительно возможно. Это привлекало и вдохновляло.

²³ И тут как раз можно вспомнить про название книги, потому что все эти люди, в соответствии с ним, как бы “пришли с холода”. Честно говоря, название мне не кажется удачным. Автор не виноват в этом: я случайно знаю, что начальное название было отклонено издательством, которое потребовало чего-то более броского. Новое, пожалуй, оказалось слишком броским и, по справедливому замечанию И.А. Мельчука на презентации этой книги в центре “Кентавр”, по-

хорошему требует еще одного введения. Мельчук это введение представил тогда устно: он-то как раз, будучи студентом МГУ, застал “холод” (до 1953 года) и отчетливо и остро ощутил пришедшую потом оттепель. Но, конечно, это оттепель пришла к ним, а не они (неожиданно для себя) попали в какое-то неизвестное им место – “с мороза”. К тому же, совершенно лишними оказываются ассоциации, вызываемые знаменитым романом Джона Ле Карре 1963 года “Шпион, пришедший с холода” (“The Spy Who Came in from the Cold”): ведь эта книга – не про украденные секреты, а про то, как свобода мысли будит творчество и создает новую действительность. И про “главных создателей той атмосферы, без которой многим достижениям лингвистической науки было бы трудно, а то и вовсе не суждено осуществиться в нашей стране” [5, с. 1310].

Remarks:

1. М.М. Бурас справедливо замечает (с. 93), что образ Дягилева и его, так сказать, функционал, видимо, не давали Успенскому покоя и были ему очень близки; она переадресует эти его слова самому Успенскому, что тоже вполне точно.

References:

1. Buras, M.M. Vybor chislovogo oformleniya russkih sushchestvitelnyh v distributivnom upotreblenii [The Choice of Numerical Constructions of Russian Nouns in Distributive Use]. IRYA AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimentalnoj i prikladnoj lingvistike. Predvaritelnye publikacii [The Russian Language Institute of the USSR Academy of Sciences. Problem Group on Experimental and Applied Linguistics. Preliminary Publications]. Moscow, 1985. Issue 168. (In Russ.)
2. Zaliznyak, A.A., Paducheva E.V. O kontekstnoj sinonimii edinstvennogo i mnozhestvennogo chisla sushchestvitelnyh [On Contextual Synonymy of Singular and Plural Nouns]. Semiotika i informatika, vyp. 35: Opera selecta [Semiotics and Computer science, Issue 35: Opera selecta]. 1997 (1974), pp. 7–14. (In Russ.)
3. Paducheva, E.V. Statji raznyh let [Articles from Different Years]. Moscow, YASK Publ., 2009, pp. 204–211. (In Russ.)
4. Buras, M.M. Istina sushchestvuet. Zhizn' Andreya Zaliznyaka v rasskazah ee uchastnikov [The Truth Exists. The Life of Andrei Zaliznyak in the Stories of Its Participants]. Moscow, Individuum Publ., 2019. (In Russ.)
5. Uspensky, V.A. Trudy po nematematike. V 2 t. Tom 2 [Works on Non- Mathematics. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, OGI Publ., 2002. (In Russ.)

**Бурас М. М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.:
Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022.
410 с., ил. (Великие шестидесятники)**

Рахилина Екатерина Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Российская Федерация

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 28.09.2022

Ссылка для цитирования:

Рахилина Е. В. Бурас М. М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 410 с., ил. (Великие шестидесятники) // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 2022. – Т. 81. – Номер 4 С. 109-114 . URL: <https://izv-oifn.ru/s160578800021462-4-1/>. DOI: 10.31857/S160578800021462-4